

Чу Цзэшэнь ответил:

— Да, мы ходили на свидание.

Старейшина Чу усмехнулся:

— Эта картинка довольно милая, она в стиле, который нравится молодым.

Он наклонился к Мокке у своих ног:

— Наша Мокка самая милая, правда?

Мокка по-прежнему не хотела признавать, что эта глупая собака — она, и не отвечала старейшине Чу.

Чу Цзэшэнь, видя, как дед не может оторвать глаз от рамки, сказал:

— Через несколько дней давайте вместе сфотографируемся для семейного портрета.

Гу Бай удивлённо посмотрел на Чу Цзэшэня. Откуда такая внезапность?

Однако лицо старейшины Чу не выдавало его чувств, хотя морщинки в уголках глаз говорили об обратном.

— Для семейного портрета нужно время, а вы оба заняты работой. У вас найдётся время?

Чу Цзэшэнь ответил:

— После каникул может быть немного занято, но полдня мы точно сможем выделить.

Гу Бай тем более не был занят, времени у него было предостаточно.

Гу Бай также заметил, как старейшина Чу смотрел на картину с теплотой в глазах:

— Конечно, у нас есть время. Мы сфотографируемся через несколько дней.

Услышав точный ответ, старейшина Чу наконец опустил картину:

— Только смотрите, не говорите потом, что у вас нет времени.

Чу Цзэшэнь улыбнулся:

— Мы обязательно придём вовремя.

Старейшина Чу добавил:

— Не забудьте взять с собой Мокку.

Гу Бай согласился:

— Хорошо.

После небольшой беседы старейшина Чу почувствовал усталость, и дворецкий, убрав комнату, помог ему с палкой вернуться в спальню для отдыха.

Повар тоже пришёл, и дворецкий помогал на кухне, оставив в доме только Гу Бая и Чу Цзэшэня.

Гу Бай задал вопрос, который его беспокоил:

— Кажется, дедушка вернулся в плохом настроении. Что-то случилось в родном доме?

Родной дом бабушки был также и родным домом дедушки. Прадед старейшины Чу родился в этом городке, но сам он появился на свет в городе С, и с тех пор, кроме старшего поколения, молодёжь редко туда возвращалась.

В городке были родственники, имена которых он не мог вспомнить, а также могилы родственников дедушки.

Чу Цзэшэнь задумался и ответил:

— Это из-за дяди. Его отец похоронен в родном доме. Возможно, дедушка вспомнил прошлое. Он был очень близок с дядей, и при его жизни их семьи часто собирались вместе. Но после смерти дяди отношения между семьями стали напряжёнными и остаются такими до сих пор.

Гу Бай спросил:

— Дедушка чувствует вину перед твоим дядей?

Чу Цзэшэнь серьёзно ответил:

— Дядя тоже вложил много сил в компанию «Чу». Они — его кровь, и чувство вины вполне объяснимо.

Гу Бай вдруг усмехнулся, и Чу Цзэшэнь недоумённо на него посмотрел.

Гу Бай вздохнул, вот уж действительно, в лесу деревья не видно.

— Если дедушка действительно расстроен из-за этого, то почему он тогда так жёстко отправил твоего дядю и всю его семью в город Т? Тебе не кажется, что это странно, как будто кто-то пошёл с дедушкой в родной дом и что-то сказал?

Услышав это, Чу Цзэшэнь тоже почувствовал неладное. Раньше, возвращаясь из родного дома, дед никогда не был в таком состоянии. В этом году всё было иначе.

То, что сказал Гу Бай, вполне могло быть правдой.

Чу Цзэшэнь взял телефон и связался с кем-то. Через некоторое время он нахмурился, глядя на экран.

— Дядя и тётя уехали из города Т третьего числа.

Гу Бай спокойно произнёс:

— Люди никогда не отказываются так легко от власти, которую когда-то держали в руках.

Если только они не были такими, как он, кто уже однажды умер.

Чу Цзэшэнь занялся этим делом.

Гу Бай снова лёг на деревянную кровать и похлопал по подушке:

— Забирайся.

Мокка, услышав его, прыгнула на кровать.

Гу Бай ткнул пальцем в голову Мокки:

— Дай посмотреть, что дедушка тебе привёз.

Мокка гордо подняла голову, показывая украшение на шее.

Гу Бай одобрительно кивнул:

— Да, красиво.

Мокка ещё выше подняла голову, будто хотела похвастаться перед всеми.

Весь день Гу Бай и Мокка провели на кровати, лениво валяясь.

На ужин стол был полон блюд, а перед Гу Баем стояли две миски с супом.

Это было особое внимание старейшины Чу к младшему поколению.

Гу Бай открыл крышку и увидел, что внутри были питательные ингредиенты.

Дворецкий, стоя рядом, пояснил:

— Видно, что у молодого господина Гу плохой цвет лица. Это суп для укрепления ци и крови, и в него добавлен женьшень, который старейшина Чу привёз из родного дома.

Гу Бай и представить не мог, что после одной бессонной ночи его сразу же начнут усиленно кормить.

Он посмотрел на Чу Цзэшэня, у которого была только одна миска, и тихонько подвинул вторую к нему.

Но старейшина Чу заметил:

— Эй, не думай, что я не вижу. Выпей суп.

Гу Бай молча вернул миску обратно, а затем услышал тихий смешок рядом.

— Дедушка, ему тоже нужно поправиться. Он каждый день засиживается допоздна за работой, и у него уже мешки под глазами до пола.

Старейшина Чу наконец внимательно посмотрел на своего внука, и, как сказал Гу Бай, тёмные круги под глазами действительно были заметны.

— Вот же он, я всегда говорил ему раньше ложиться спать, но он не слушает. Молодой, а уже не ценит своё здоровье. В старости будет мучиться.

Дворецкий сказал:

— На кухне ещё есть суп.

Старейшина Чу приказал:

— Принеси А-Цзэ ещё порцию.

Дворецкий тут же выполнил просьбу, поставив перед Чу Цзэшэнем ещё одну миску.

Теперь у каждого было по две миски, и никто не мог над кем-то смеяться.

Чу Цзэшэнь усмехнулся, смотря на этого мстительного молодого господина Гу.

Сегодняшний ужин стал самым сытным за последние дни для Гу Бая. Он, хоть и неохотно, но выпил обе порции супа.

На десерт уже не осталось места, к счастью, это был торт, который можно было оставить в холодильнике и доесть завтра.

После ужина Чу Цзэшэнь подключил игровую приставку к телевизору и включил сериал для старейшины Чу.

Гу Бай давно не смотрел телевизор, дома он использовался только для игр, и больше ни для чего.

Старейшина Чу не любил сидеть на мягкой мебели, он сел на деревянный стул, а Гу Бай и Чу Цзэшэнь устроились на деревянной кровати, между ними лежала Мокка.

Вчера температура поднялась до 35 градусов, и они потратили полдня на то, чтобы помыть Мокку. Теперь она была ароматной и чистой собачкой.

Старейшина Чу любил смотреть фильмы о войне, и по телевизору раздавались взрывы мин и крики врагов.

Чу Цзэшэнь продолжал работать на планшете, время от времени поглядывая на Гу Бая, который смотрел сериал с большим интересом и даже обсуждал его с дедом.

После трёх серий Гу Бай всё ещё хотел смотреть дальше.

Старейшина Чу сегодня был особенно счастлив. Обычно, когда Чу Цзэшэнь возвращался домой, он был как сейчас — с планшетом в руках, формально находясь рядом, но не смотря телевизор. Разве это можно назвать компанией?

Гу Бай был другим. Он смотрел сериал вместе с ним и обсуждал его, что приносило старейшине Чу настоящую радость.

Обычно после сериала старейшина Чу отправлялся спать, но сегодня он остался сидеть на стуле, не проявляя никаких намерений уйти.

Он переключал каналы, словно искал что-то конкретное, но не мог найти.

Чу Цзэшэнь закрыл планшет:

— Дедушка, сегодня ты провёл несколько часов в самолёте, тебе нужно отдохнуть.

Старейшина Чу, не отрывая глаз от телевизора, сказал:

— Я только что спал в комнате, сейчас ещё не хочу спать.

Он зевнул, прикрыв рот кулаком.

Гу Бай тоже добавил:

— Дедушка, ложитесь спать пораньше.

Старейшина Чу всё ещё упрямылся:

— Подождите немного. Старики говорили, что на одном канале идёт хороший сериал, я поищу, какой это канал.

Чу Цзэшэнь взял телефон, притворившись, что набирает сообщение:

— Я спрошу у А-Вэня, он как раз вернулся в старый дом семьи Се на каникулы.

— Не нужно, — поспешно сказал старейшина Чу, опуская пульт. — Я ошибся, этот сериал не идёт вечером.

Он вдруг повернулся и серьёзно посмотрел на внуков, уговаривающих его лечь спать:

— Сегодня вы оба должны лечь спать пораньше. Если выпили суп, но не спите, то он зря потрачен. Не губите мои старания.

Какие же это были старания, чуть не раздавившие их.

Хотя вчера они засиделись допоздна, сегодня утром выспались, и Гу Бай совсем не чувствовал сонливости. К тому же это было не его время для сна.

— Дедушка, мне ещё рано спать...

Его прервал Чу Цзэшэнь.

— Хорошо, дедушка, мы сейчас пойдём в комнату.